

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

Орган Центрального и Московского Комитетов ВЛКСМ

РЕДАКЦИЯ:

М. Черкасский, 3/4.

ТЕЛЕФОНЫ:

Секретариат. 1-34-09
Отд. секр. редакции . 4-22-77
Навед. редакцией. . . . 3-28-88
Отдел КСМ 2-89-17
ИНО. 1-15-42
Отд. информ. и театр. 2-72-24
Литер., искусство, биб-
лиогрф. 4-51-54
Политико-экономич. . . 2-54-22
Бюро расслед. 2-39-08
Массов. отд. физкульт. 2-89-28

ГЛАВНАЯ КОНТОРА:

Тверская, 48.

ТЕЛЕФОНЫ:

Отд. распростран. 3-81-39
Отд. объявл. 2-53-77 и 3-42-93
Отд. подписки, стол
жалоб. 2-80-22

Подписная плата на 1929 год:
на 1 м.—75 к., на 3 м.—2 р.
15 к., на 6 м.—4 р. 25 к.
на 12 м.—8 р. 25 к.

Суббота, 20 июля 1929 г., № 164 (1251)

В ПЛЕНУ НЕЛЕПОСТИ

Когда поезд с телом умершего от чахотки на курорте Баденвейлера (Германия) Чехова прибыл в Берлин, произошло то, что называли досадной ошибкой: около 200 русских ждали на Ангальтском вокзале, а поезд был направлен на Силезский. Там его встретили официальные представители и их знакомые—человек 15. Посольство и консульство отсутствовали.

В Вильно прах Чехова встретили редактор «Вильнского Вестника» с сотрудниками и кучка любопытных.

В Петербурге—несколько хроникеров и группа учащейся молодежи. Думали, что поезд отойдет в Москву через четверть часа. Оказалось, что покойников нельзя перевозить со скорыми поездами, и потому гроб отправили через 5 часов с почтовым.

На вагоне с телом Чехова резко маячила и казалась идущей хохотала надпись:

«Дня устриц»...

В Баденвейлере Чехову был поставлен памятник—бронзовый бюст на гранитном пьедестале. Единственный памятник русскому писателю за границей. После официального отгребыва, памятник передали местным властям. Их представитель заверил присутствовавших, что памятник будет всемерно охраняться, и особо отметил выпавшую на долю Баденвейлера честь. Во время империалистической войны, когда Германия испытывала недостаток в металле, бронзовый Чехов пошел на слом.

Писатель-гуманист, художник с огромной любовью к человеку и обостренной совестью, который не переносил даже, когда при нем рвали цветы,—он, претворенный в гранату, рвал на куски рабочих и крестьян в серых шинелях.

Так великая нелепость, играющая всеми цветами хамства, казенщины, лести, пошлости и подлости, отомстила Чехову после его смерти.

За что?

За пошпенную ненависть художника к ее звериному лицу...

ЧИТАЮТ И БУДУТ ЧИТАТЬ

Чехов ездил почтой на прогулку с Бунными из Аутки в Ореанду. Когда они оставили экипаж и тихо пошли под гигантами-бипарисами, мимо голубоватобледных в лунном свете развалин дворца, Чехов внезапно сказал:

— Знаете, сколько лет еще будут читать меня? Семь.

— Почему семь?—спросил Бунин.

— Ну, семь с половиной.

Чехов ошибся. С тех пор прошло более 25 лет, а его читают. И будут читать.

Металл пробуете кислотой. Писатель—временем. Это—чрезвычайно едкое средство. Немало некогда популярных имен растворилось в нем без остатка и стало достоянием истории литературы, о котором говорят иногда с почтением, но всегда без любви.

Чехов же выстоял и стойко выдерживает испытание: его читают вот уже полвека.

Это свидетельствует о жизненности творчества Чехова, если не в целом, то в значительной доле.

Вместе с тем это говорит о сохранности многих из освещенных им явлений.

РОССИЯ

Когда, что и как изображал Чехов?

Он вышел из газетных проселков на литературный большак после казни Александра II, в пору жесточайшей реакции.

Полицейский пресс всероссийского держиморды Александра III и его сподручного оберпрокурора святейшего синода Победоносцева был заперт до отказа.

Все живое душилось.

Надрванное подполье, стиснув зубы, работало по сбору и организации сил. На поверхности был благодетельский покой.

Интеллигенция частью сменяла хождение в народ поступлением в акциз, частью погрязла в тине быта.—Карьеризм, карты, питриги. Царство пошлости и мешанства.

Лучшие задыхались в полках-выходах, не находя его, превращались в олимпетворение сумеречной тоски по лучшему будущему: «Большее жить так не возможно»...

Такова была развешивавшаяся перед Чеховым картина, и он сам—типичный интеллигент, без четкого политического и социального устремления, но исключительно чуткий, наблюдательный и вдумчивый, направил на нее свой прожектор.

Результат?

Все, что было в России либерального, пламенно приветствовало в Чехове защитника своих дум и настроений. Для буржуазной демократии он стал родным. Его смерть была многими воспринята как тяжкая личная утрата.

БЕЗ ГЕРОЕВ И ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ

Пишут о героях Чехова... Это—небрежность или чепуха. Весь смысл, вся сила, все своеобразие Чехова—именно в отсутствии у него так называемых героев.

Они были у блаженной памяти Карамзина (Эраст в «Бедной Лизе»), у Пушкина (Онегин), Лермонтова (Печорин), Тургенева (Рудин, Базаров), Достоевского, Толстого.

Чехов—первый и единственный безгеройный классик.

Кто у него? Врачи, чиновники, учителя, помещики, студенты, судьи, торговцы, военные, адвокаты, матросы, актеры, крестьяне, женщины, дети...

Огромная галерея типов. Сокровищница, без которой не обойдется ни один исследователь России конца XIX и начала XX века.

Это не только не герои. Скажу больше. Если под действием разуметь элементарные поступки, а целесообразную активность, не зоологическое

бытие, а осмысленную жизнь, то нет у Чехова и действующих лиц.

Есть взыскующие с недозрелыми, полузадушенными желаниями.

«Барона кашей не корми, только дай ему пофилософствовать»,— характеризует Соленый Тузенбах в «Трех сестрах».

«Если не дают чаю, то давайте хоть пофилософствуем»,—отводит душу Вершинин.

О чем? О лучшей доле...

Из «Крыжовника»:

«Взгляните на эту жизнь: наглость и праздность спящих, невежество и скотоподобие слабых, кругом бедность невозможная, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие, вранье... Мы видим тех, которые ходят на рынок за провизией, днем едят, ночью спят, которые говорят свою чепуху, жепятся, старятся, благодушно тащат на кладбище своих покойников; но мы не видим тех, которые страдают, и то, что страшно в жизни, происходит где-то за кулисами. Все тихо, спокойно, и протестует одна только немая статистика: столько-то детей погибло от недоедания, столько-то с ума сошло, столько-то бедер выпнто»...

ЧЕХОВ ЖИВ

Узоры Чехова на этом основном фоне, развернутые им в художественно-запечатленных образах и положениях, весьма разнообразны.

Политический и социальный аккорды его творчества, сами по себе слабо оформленные и мало четкие, звучат буржуазным либерализмом.

Пока существуют невежество, подхалимство и упадочничество, пока не изжиты самодовольная тупость, бескры-

А. П. со своим братом.

лые мечанство и ползунал обывательщина, пока не сгинули загримировавшийся под современность утер Пришибеев и открыто выступающий «человек в футляре»—Чехов жив.

Одновременно с чудесными материальными ценностями великая социалистическая стройка организует нового человека. Как же не быть с нами на этом поприще Чехову?

Ведь у него это:

«Хочется играть видную, самостоятельную, благородную роль, хочется делать историю, чтобы те же поколения не могли сказать про каждого из нас—то было ничтожество или хуже того»...

И еще:

«Хочется, чтобы жизнь наша была высокая и торжественная, как свод небесный».

Расслабленное, безвольное «хочется» сменится ударным, волевым «пужно». Поэтому так будет. Поэтому на культурно-бытовых путях Чехов—с нами и для нас.

УЧИТЕСЬ У МАСТЕРА!

Ко многому у Чехова нужно подходить критически.

Но начинающие писатели должны учиться у Чехова. Прежде всего—требовательности к себе. Он редко был доволен собой.

«В общем она не удовлетворяет меня»,—писал Чехов о своей «Степи».

«Вообще повесть выйдет не из аховых»,—отзывался он о «Скучной истории».

«Припадок», по его мнению, «не грациозный и отдает сыростью водосточных труб».

Из «Соседей»,—заявлял Чехов,—вышло нечто, чего не следовало бы печатать: ни начала, ни конца, а какая-то облезлая середка»...

Правда, отметив свою продуктивность в течение одного «сезона», Чехов признал, что «в 100 пудах этого песка имеется 5 золотников золота», но в общем недоверие к своему таланту было у него преобладающим.

Затем пужно учиться у Чехова работать.

«Я хочу кое-что пошаманить и полампировать, а главное, подумать»,—писал он, сидя над «Степью».

Мало того:

«Я переделывал весь корпус повести, оставив в целости один фундамент».

Он просил редактора: «Пожалуйста, пришлите корректуру, так как... рассказ... будет готов лишь после того, как я перепечатаю вдоль и поперек всю корректуру».

Но и это не конец.

На запрос редактора, как озаглавить рассказ, и предложение ряда заглавий Чехов ответил:

«Ваша телеграмма разбудила меня в 3 часа утра. Я думал, думал и ничего не придумал, а уже 9 часов, и пора послать вам ответ. «Рассказ моего папента» не годится безусловно: пахнет больницей. «Макей»—тоже не годится: не отвечает содержанию и грубо. Что же придумать? 1) «В Петербурге», 2) «Рассказ моего знакомого». Первое скучно, а второе—как будто длинно».

Можно просто «Рассказ знакомого». Но дальше: 3) «В восьмидесятые годы». Это претенциозно. 4) «Без заглавия». 5) «Повесть без названия». 6) «Рассказ неизвестного человека». Последнее, кажется, подходит».

Лозунг Чехова:

«Нужны непрерывный дневной и ночной труд, штудировка, воля»...

В воспоминаниях о Чехове (Тихонов, Куприн, Амфитеатров, Бунин, Езпатель-

Каррикатура: Чехов и «Три сестры».

ский, Ладженский и др.) множество указаний на то, что в нем всегда тлела особенная внутренняя работа, тапштвенно, может быть, даже не всегда сознательно для него самого подготовлявшая его будущие произведения.

Записная книжка и особенно письма Чехова—сущий клад: начинающий писатель найдет там россыпи советов, слагающихся в стройный наказ. Он пужен молодым дарованиям. Это—малое, зажатое крупнейшим мастером, творцом миниатюры с такой художественной насыщенностью, которой даже в слабом растворе хватило бы ппому на целый том...

Ф. МУСКАТЪЛИТ.